

УДК 821.161'01:27-24(=163.1):81'373.234-054(=411.16)

Грищенко А. И. (Москва)

**ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ЭТНОНИМА ЖИДОВЕ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАЛЕИ ТОЛКОВОЙ)**

Резюме

Грищенко О. И. Про експресивність етноніма жидове у давньоруській книжності (на матеріалі Тлумачної Палей).

У статті розглянуто проблема виникнення експресивності етноніма жидове у давньоруської писемності при зіставленню з усім синонімічним рядом жидове – еврѣи – шодѣи у тексті Тлумачної Палей за Коломенським списком 1406 р. Представлене контекстне дослідження даних етнонімів.

Ключові слова: давньоруська писемність, церковнослов'янська мова, експресивні етноніми, етнічні прізвиська, назви євреїв, Тлумачна Палея.

Summary

Grishchenko A. I. On the Expressivity of the Ethnonym Židove in Old Russian Literature (on the Material of Explanatory Paleya)

The article touches upon the problem of the origin of Old Russian ethnic name židove expressivity comparing with the židove – yevrěi – iyuděi synonymic row in the text of Explanatory Paleya according to Kolomna copy, 1406. The ethnic names are surveyed contextually.

Key words: Old Russian literature, Church Slavonic language, ethnic slurs, ethnophaulisms, nomination of Jews, Explanatory Paleya.

В современной филологии уже достаточно прочно укрепились мнение о том, что уничижительная коннотация общеславянского слова жидъ (жидовинъ) появилась в русском языке относительно недавно. Ещё позже, только в советское время, не без влияния со стороны русского языка, закрепились она и за соответствующими словами в украинском и белорусском литературных языках (напр., в словаре под ред. А. Е. Крымского содержится весьма показательное примечание: «Считаем нужным резко подчеркнуть, что в украинском слове “жид” (как и в польском żyd) абсолютно нет ни тени пренебрежения, заключающегося в русском слове “жид”» [10: 265]).

Так, израильский славист А. Кулик настаивает на том, что «слова *жидь*, *жидовинь*, *жидинь* вплоть до XVIII в. не имели пейоративного оттенка, и с этой точки зрения ничем не отличаются от слов *иудей* или *евреянинь*, имеющих то же значение и лишенных отрицательной коннотации» [5: 58]. Дж. Клиер отодвигал окончательное образование устойчивой негативной коннотаций у русского слова *жидь* к середине XIX в., когда в русской печати разгорелась полемика по т.н. «еврейскому вопросу» [17]. Х. Бирнбаум также не находит в древнерусской книжности случаев проявления в этом слове устойчивых отрицательных коннотаций, правда рассматривает он всего лишь несколько примеров [16]: это прежде всего хрестоматийные слова из Ипатьевской летописи за 1175 г., обращённые к одному из убийц князя Андрея Боголюбского – Анбалу Ясину (т.е. алану): «**ѡ еретиче <...> помнишь ли Жидовинне въ которыхъ порѣтѣхъ. пришелъ башеть. ты нынѣ в оксамитѣ стонши. а князь нагъ лежить**» [9: 590]. Для Х. Бирнбаума данное употребление слова *жидовинь* в качестве ругательного окказионально, для других же авторов, особенно историков, – оно здесь вполне нейтрально, поскольку обозначает конфессиональную принадлежность Анбала, который действительно мог быть иудеем-прозелитом аланского происхождения (предположительно буртасом [3: 130-136]).

Хотя Х. Бирнбаум и пишет, что вопрос о времени приобретения словом *жидь* различных оценочных коннотаций может быть окончательно решён только при «всестороннем анализе значительного корпуса письменных источников», а «беглый обзор ряда древнерусских текстов <...> может в лучшем случае дать несколько первых зацепок по этой проблеме», – однако предварительные его выводы о том, что уничижительные коннотации появились у этого слова в «первые века современности», данный вопрос как бы закрывают [16: 9-10].

В действительности же вопрос этот был только поставлен. Одесский археолог и писатель А. А. Гатцук ещё в 1862 г. обратил внимание на сосуществование в славянской письменности (как болгарской, так и русской) синонимов *иоудѣ* и *жидове* и объяснил их распределение так: «Пуристы священнаго слога, языка переводовъ священнаго писанія, строго держались употребленія греческой формы названія іудеевъ; писатели же, менѣе сковывавшіе себя языкомъ священныхъ книгъ и византійскою мудростію, болѣе свободны были въ употребленіи какъ вообще народныхъ русскихъ словъ и оборотовъ, такъ и слова жидовинь, жидове и т. п.» [1: 596]. Как бы мы сейчас сказали, различия между синонимами *иоудѣ* и *жидове* стилистические: первое – книжное, второе – разговорное, – и в этой стилистической дифференциации коренится их дальнейшее расхождение, что было невозможно в тех литературных славянских языках, которые по разным причинам отказывались от церковнославянского наследия (напр., чешский) или вовсе не были с ним связаны (напр., польский).

Вторым автором, исследовавшим историю слово *жидь* – и это исследование до сих пор остаётся самым подробным, – был Н. А. Переферкович, который заметил, что «въ древнѣйшихъ славянскихъ спискахъ Евангелія отъ Іоанна (Остромир., Зографск. и др.) *Ἰουδαίος* только въ одномъ мѣстѣ переводится черезъ “жидовинъ”, а именно въ Іо. 18, 35, гдѣ Пилать говоритъ: “еда азъ жидовинъ есмь?”, во всѣхъ же другихъ мѣстахъ, гдѣ позднѣ поставлено “жидове”, читаемъ еще “іудей”, “иудей”. Самое появленіе слова “жидовинъ” въ Іо. 18, 35, пожалуй, объясняется желаніемъ переводчика подчеркнуть, что говоритъ не-еврей» [8: 269], – однако в чём заключалась связь между употреблением слова *жидовинъ* и тем, что говорит нееврей, осталось непонятным, тем более что дальше Н. А. Переферкович приводит массу разночтений из более поздних рукописных и печатных славянских Евангелий (в т. ч. из Острожской Библии), где оба слова чередуются совершенно, на первый взгляд, бессистемно. Общий вывод таков: «... либо Острожская Библия печаталась со сборнаго текста и безъ однообразной редакціи, либо выраженія “жидь” и “іудей” были тогда настолько равноцѣнны, что переписчики употребляли ихъ безъ разбора. Только въ началѣ XIX в. замѣчается дифференціація этихъ синонимовъ» [8: 272].

По подсчётамъ авторовъ четырёхтомного «Словаря старославянскаго языка» Чехословацкой АН, количественное соотношение между словами **жидовинъ** и **иудѣи** в памятникахъ таково: в Зографскомъ Ев. 2:50, в Маринскомъ – 1:54, в Ассеманіевомъ – 1:69, в Саввиной книгѣ – 1:21, в Куприяновскихъ листкахъ – 0:1, в Синайскомъ служебникѣ – 1:4, в Сборникѣ Клоца – 3:13, в Супрасльскій рукописи – 65:5 [13: 605]. Т. о., соотношение этихъ двухъ синонимовъ сильно разнится в разныхъ по жанру, а следовательно, и по стилю, старославянскихъ памятникахъ, так что подтверждается правота А. А. Гатцука. Что же касается сомнений Н. А. Переферковича в случайности выбора того или иного этнонима в более поздней книжной традиціи, то его выводы требуютъ проверки на более широкомъ матеріалѣ.

Кроме того, само слово *еврѣи* обычно не рассматривается наряду с парой *жидове* / *иудѣи*, может выпасть и другой членъ ряда, не говоря уже о наименованіяхъ, производныхъ отъ онима *Израиль* (см. ниже). Так, В. Н. Шапошниковъ приводит трёхчленный синонимический ряд *евреи* – *иудеи* – *жидове*, замечая, что «первые два древнерусскихъ названія по употребительности значительно уступаютъ третьему» [15: 113], однако в его словарикъ многозначныхъ этнонимовъ *иудеи* не попадаютъ, тогда как слова *евреи* и *жидове* объединяетъ два общихъ значенія: 1) ‘носители неправославнаго (иудейскаго) вероисповѣданія’; 2) ‘библейскій народ’, – а у послѣдняго выделено ещё одно: 3) ‘этносоціальная группа в киевскихъ пределах’ [15: 116]. С лексикографической фиксаціей древнерусскихъ этнонимовъ в целом и интересующихъ насъ словъ в частности связана масса проблемъ:

если в «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» вовсе не включены этнонимы, как имена собственные [11: 7], то в «Материалах для словаря...» И. И. Срезневского, а вслед за ними и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» нет слов *евреи* и *иудеи*, толкование же этнонима *жидовинь* (*жидинь*, *жидь*, *жидовье*, *жидов(ь)ка*, *жидовьни*) ограничено одним, причём нерасчлennым, значением ‘еврей, (иудей)’ (у И. И. Срезневского, правда, выделено ещё одно – «какъ бранное слово», – проиллюстрированное приведённой выше цитатой из Ипатьевской летописи) [14: ст. 870-872; 12: 107-108].

Тем не менее поиск следов коннотации у слова *жидовинь* в канонических текстах не может быть особенно результативным, поскольку она там и не предполагается: задача славянских переводов Св. Писания состояла в адекватной передаче греческого оригинала, а не в выражении субъективного отношения к евреям. Неправомерно искать эти коннотации и в памятниках, находящихся на другом жанровом и стилистическом полюсе, – памятниках деловой письменности и даже в более книжных по стилю летописях: употребление в них слова *жидовинь* не маркировано, поскольку здесь оно оказывается в окружении функционально схожих языковых единиц – единиц разговорных.

Экспрессию, субъективную оценку, презрительные и иные коннотации следует искать у слова *жидовинь*, во-первых, в текстах, где представлен весь синонимический ряд, т. е. употребляются слова *иудѣи* и *еврѣи*, притом в достаточном количестве, во-вторых – в сочинениях антииудейской полемической направленности, относящихся к книжному стилю древнерусского литературного языка. Самое яркое такое сочинение – «Палея толковая, яже на иудея», известная по восьми спискам XIV–XVII вв. (всего в жанре палеи известно 33 рукописи).

Нами проанализирован интегральный текст Толковой Палеи, составленный А. М. Камчатновым [7] на основе критического издания Коломенского списка 1406 г. (РГБ, Тр.-Серг. № 38), которое было подготовлено учениками Н.С. Тихонравова [6]. Что же касается времени создания памятника, то вопрос этот более чем спорный: одни исследователи относят Палею к XI в., приурочивая её к тому же историческому контексту, к которому принадлежит «Слово о законе и благодати» митр. Илариона; другие (и их большинство) придерживаются точки зрения В.М. Истрина о составлении Палеи в начале XIII в. (но до татаро-монгольского нашествия) [7: 620-621]. Нами была предложена гипотеза о появлении Палеи на рубеже XI–XII вв. в связи с мессианским движением среди иудеев бывшей Хазарии, сведения о котором содержатся в нескольких еврейских источниках [2]. Так или иначе, Палея Толковая принадлежит целиком домонгольскому периоду русской письменности.

Распределение в её тексте синонимов **жидове** – **кврѣи** – **нюдѣи** представляет собой некую систему, а каждый член данного синонимического ряда отличается собственными смысловыми оттенками, наиболее частыми формами и особенной лексической сочетаемостью.

Так, слово **жидовинѣ** чаще всего употребляется в звательном падеже **жидовине** и в функции риторического обращения, а также обычно сопровождается множеством уничижительных эпитетов, напр.:

(1) **Лютѣ же твоѣмү невѣрствю, жидовине!** Горѣ и самохотномү изволеню твоѣмү, **окаанье** [7: 23];

(2) **Темь бо враномь прообразова Господь Богъ вась, о окааннии и треоканнии жидове, оуподоблени врану** [7: 145];

(3) **Къ нимъ же мы ѿвѣщающе речемъ: окааннии жидове, невѣрства исполнени!** како образъ Божии ко ангельскомү образу прикладывакте? [7: 74].

Жидовинѣ – это воображаемый собеседник автора Палеи, тот, на кого направлена его полемика. О реальных причинах того, что древнерусского книжника так взволновала именно еврейская тематика, говорить сложно, истоки антииудейской полемики Палеи Толковой почти не раскрыты, но всё же очевидно, что за образом жидовина стоит, скорее всего, представление автора о современных ему евреях – иноверцах, враждебных, с его точки зрения, христианству. В значении слова **жидовинѣ** Палеи Толковой объединены семы как этнической, так и конфессиональной принадлежности, при этом есть тенденция к преобладанию семы ‘современный’.

Всего слово **жидовинѣ**, его формы и дериваты **жидове**, **жиды**, **жидовьскыи** и т.п.) употребляются в Палеи 193 раза. Нами был проведён контекстный анализ всех этих употреблений, результаты которого представлены в таблице (см. Приложение), из которой видно их контекстное распределение по нескольким семантическим и синтаксическим группам.

Иначе в Палеи обстоят дела со словом **кврѣи** (вместе со своими дериватами употреблено 35 раз, т. е. почти в шесть раз реже: см. Приложение). Только четыре раза оно употреблено в позиции, наиболее типичной для слова **жидовинѣ**: (4) «**Ты же, окаанныи кврѣи, оумолкни ѿ богохульнаго глагола**» [7: 188], – и ещё один раз с оценочным эпитетом, в котором подчёркивается конфессиональная принадлежность: (5) ... **превелициии наши сватителии крестъ носаше, овхожаютъ пресѣщающе стада Господня, глаголющи правовѣрнымъ похвала, а кретникомъ шатанниа, яко и безаконнымъ кврѣимъ** [7: 422]. Евреи здесь выступают в одном ряду с еретиками и вместе с ними противопоставляются правоверным.

Однако это единичные, в целом не характерные для Палеи, употребления. Типичным же в данном памятнике для слова **кврѣи** (и его производных) является реализация значения ‘библейский народ, главный субъект и объект библейского повествования’, напр.:

(6) *Ако же во Мони ѿ кврѣи бысть и ѿ иноплеменьникъ советъ невѣстѹ оверѹчи, тако оубо и Христосъ Спасъ нашъ, роженъ ѿ Мариа Дѣвница въ родѣ кврѣистѣмь* [7: 306];

(7) ... *внегда бо видѣша кврѣи сходящую маннѹ, и рече кождо къ подрѹгѹ свокмѹ: что се ксть? [7: 329];*

(8) ... *и въ хероувимѣ мѣсто на заремницѣ сѣде [Христос – А. Г.] и во ангельскаго мѣсто пѣнниа хъвалы ѿ дѣттии приѣмла кврѣискихъ* [7: 117].

Здесь в слове **кврѣи** актуализирована сема этнической принадлежности, тогда как семы со значением принадлежности конфессиональной и значением ‘современный’ не проявлены, даже наоборот: **кврѣи** – ‘древние, библейские’. Этничность важна и как один из признаков Христа: ср. пример (6).

Термин **нюдѣи**, употреблённый в Палее Толковой (вместе с дериватами) 31 раз (см. Приложение), также редко используется в риторическом обращении:

(9) *Тѣмъ же не рѣхъ ли ти оубо, ѿ нюдѣю, тако нѣсть вѣры, еже вѣровати во Авраама* [7: 180];

(10) *Но тако же писано ксть, благословащии кго благослови, клеуци же кго прокленѹтса, да тѣмъ оубо не льститеса, оканни нюдѣи* [7: 368].

В основном же **нюдѣи** – объект повествования, в том числе и ‘библейский народ’: (11) ... *зла не постадаша нюдѣи въ Егѹптѣ* [7: 209-210], – но этот термин уже сопровождается резко отрицательными эпитетами, ср. пример (10), а также:

(12) *Да посрамлитеса, Божии сѹпостатници нюдѣи, иже тако мнаще кривѣ* [7: 85],

(13) *Въписаемъ же его [Христа – А. Г.] божественна страсти, иже плоть понесъ и плотьскимъ сѹщствомъ волею пострада ѿ безаконныхъ нюдѣквѣ* [7: 384].

Главная же особенность этого слова в Палее Толковой состоит в том, что в нём актуализирована не этническая, а конфессиональная сема: **нюдѣи** – ‘враги христианства’ (даже со ссылкой на святоотеческий авторитет): (14) *Инь, тако же рече великий Василей, мы нюдѣа оставимъ, да градутъ свѣтомъ огна нхъ и пламенемъ, иже си ражгоша* [7: 24]), а значит, и ‘личные противники Христа’. Слово **нюдѣи** в Палее Толковой чаще всего упоминается в контексте именно крестных мук Спасителя, ср. пример (13), а также:

(15) *И възложи же, рече, Авраамъ Исака на дѣрова, нюдѣи же пропаша Христа на древѣ* [7: 189];

(16) *Отець съ небесе зраше, Вынѹ же заклакѹ ѿ нюдѣи, по главѣ Исуса бнѹще и оѹкоръ и досадѹ дающе, акы злодѣю* [7: 189-190];

Итак, мы видим, что для Палеи Толковой характерна тенденция последовательного использования принципа дополнительной дистрибуции при употреблении синонимов **жидове** – **кврѣн** – **нюдѣн**: каждый из них может использоваться как экспрессивное средство в том случае, если в этнониме актуализируется необходимый по контексту оценочный компонент их семантической структуры. Видимо, такой путь семантической дифференциации внутри синонимической тройки **жидове** – **кврѣн** – **нюдѣн** в церковнославянском языке оказался наиболее продуктивным и привёл сначала к образованию экспрессивного этнонима *жидѣ* в русском литературном языке, а потом и к его вытеснению за пределы установившейся к нашему времени нормы и даже развитию у него бранного значения.

Не были нами во всём объёме проанализированы другие обозначения евреев в Палее Толковой – такие, как **сынове Израильстни**, **людик Израильстни**, **изранльти** и т. п., включающие в себя оним **Израиль**. В ряде случаев такие наименования противопоставлены термину **жидовинѣ**, напр.: (17) **Ты же оубо дньсь сущий жидовинѣ, почто не ревнѣкши древле бывшимъ изранльтомъ, нхъ же ради показаник Егюпта?** [7: 320].

Заслуживают внимания и перифрастические наименования евреев, напр.:

(18) ... **егда же ли вы, оканьный родъ, ѿвергостесѧ Исуса Сына Божиа** [7: 414];

(19) **Слышалъ же ли еси, Христовъ сѣпостате, о жидовинѣ, како многа лѣкованнѧ и неправды исперва въ сердцихъ вашнхъ начаша бывати** [7: 467].

По результатам анализа столь насыщенного обозначениями евреев памятника, как Палея Толковая, можно делать уже более уверенные выводы об экспрессивности того или иного этнического наименования. Так, по крайней мере к началу XV в. (по датировке рассмотренного списка) слово **жидовинѣ** в церковнославянском языке начинает тяготеть к инвективному употреблению, обладает яркой отрицательной коннотацией – вопреки мнению о том, что в Древней Руси «никогда не было случаев презрительного обозначения народов» [4: 285]. Слова **нюдѣн** и **кврѣн** не столь экспрессивны, хотя первое, безусловно, более негативно, поскольку обозначает по преимуществу «врагов Христа», тогда как второе – народ скорее в «биологическом» смысле.

Литература

1. Гатцукъ А. Евреи въ русской исторіи и поэзіи. IV // Сіонъ. Органъ русскихъ евреевъ. № 38. 23 марта 1962 г. – С. 593-596.
2. Грищенко А. И. К вопросу об истоках антииудейской полемики «Палеи Толковой»: опыт исторической реконструкции //

- Актуальные вопросы изучения православной культуры: Мат-лы VI Кирилло-Мефодиевских чтений «Славянская культура: Истоки, традиции, взаимодействия». – М.–Ярославль, 2005. – С. 17-24.
3. Добродомов И. Г. Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. – М., 1993. – С. 130-150.
 4. Ковалёв Г. Ф. Этнонимия Древней Руси // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. – М., 1994. – С. 283-285.
 5. Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция (пер. с иврита А. Полян) // Ruthenica. – № 7. – 2008. – С. 52-70.
 6. Палея Толковая по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г. / Трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова. – Ч. I. – М., 1892; Ч. II. – М., 1896. – 416 с.
 7. Палея Толковая / Подгот. древнерус. текста и перевод на соврем. рус. яз. А. М. Камчатнова. – М., 2002. – 648 с.
 8. Переферковичъ Н. Филологическія замѣтки. II. Къ исторіи слова «жидь» // Журналь Министерства народнаго просвѣщенія. Новая серія XLVII (1913, № 10), отд. 2. – С. 265-273.
 9. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. II. Ипатьевская лѣтопись. Изд. 2-е. СПб., 1908. – 937 с.
 10. Російсько-український словник / Голов. ред. акад. А. Е. Кримський. Т. I (А–Ж). – К., 1924. – XIV + 290 с.
 11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 тт. – Т. I. – М., 1988. – 526 с.
 12. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 5. – М., 1978. – 392 с.
 13. Словарь старославянского языка. Репр. изд.: В 4 тт. (=Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae paleoslovenicae. Československá Akademie věd. Praha, 1966-1997.) – Т. I. – СПб., 2006. – LXXIX + 855 с.
 14. Срезневскій И. И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. – Т. I. – СПб., 1893. – IX с + 1420 ст.
 15. Шапошников В. Н. Историческая этнонимика: Учеб. пособ. – СПб., 1992. – 124 с.
 16. Birnbaum, H. Some problems with the etymology and the semantics of Slavic *Žid* “Jew” // Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. 7. Jerusalem, 1985. – P. 1-11.
 17. Klier, J.D. *Zhid*: Biography of a Russian Epithet // Slavonic and East European Review. – Vol. 60. – № 1. – Jan. 1982. – P. 1-15.

